

ИВАНОВ Олег Борисович — руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов (129063, Россия, г. Москва, пр-кт Мира, 72, офис 1208; collegiato@gmail.com), председатель коллегии медиков при Торгово-промышленной палате Московской области, заслуженный юрист Московской области

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе – конфликт, в данном случае – социально-политический конфликт. Будучи социальным процессом, социально-политический конфликт характеризуется управляемостью, т.е. подверженностью внешнему организующему началу. Статья представляет собой попытку анализа актуального состояния, основных тенденций и наиболее вероятных перспектив развития существующих социально-политических противоречий. В работе анализируется принципиальная возможность трансформации этих противоречий из социальных конфликтов в масштабное политическое противостояние применительно к современной России. Автор рассматривает специфику социально-политических конфликтов современной России и указывает, с одной стороны, на рост числа протестных настроений, а с другой – на объективное отсутствие легитимных лидеров протестного движения. Опасение вызывает тот факт, что в этой ситуации протест может перейти в неуправляемый бунт. При схожих факторах успешно запускались во многом катастрофические для национальных государств Северной Африки и Восточной Европы политические процессы последних лет.

Ключевые слова: социальный конфликт, политический конфликт, субъект конфликта, политическая культура, политический режим, гражданское общество, управление конфликтом

Конфликт в социально-политическом пространстве

Социальная неоднородность всегда являлась сущностным признаком любой общественной системы и тем самым позволяла констатировать наличие широкого и противоречивого спектра интересов составляющих такую систему социальных групп. Именно столкновение этих интересов, само по себе являющееся основанием для возникновения конфликтов, способно во многом влиять на характер развития общественных отношений. Очевидно, что внутри определенной социальной системы конфликтные взаимодействия обусловлены в т.ч. и той социальной структурой, которая в ней сформировалась. Одной из основных особенностей социально-политических конфликтов в современном российском обществе, по мнению отдельных исследователей, является то обстоятельство, что, с одной стороны, в таких конфликтах проявляется противостояние различных частей общества, а с другой – имеет место полное или частичное совпадение интересов этих частей в зависимости от предмета конфликта. То есть, следует говорить о противоречивости, рассогласовании социального взаимодействия, о том, что составляющие актуальную общественную систему России компоненты и структуры зачастую просто несовместимы друг с другом [Мещерякова 2009: 183].

При этом социально-политические процессы, в отличие от процессов природно-биологических, лишены абсолютной стихийности своего развития. Следует согласиться с тем, что процессы эти всегда подвержены определенному организующему началу, воплощающемуся в управлении. В соответствии с этим любые социально-политические конфликты следует рассматривать как управляемый процесс специфических отношений между субъектами [Брега 2014: 35].

Конфликт представляется тем средством, с помощью которого, исходя из оценочно-ценностных позиций того или иного субъекта, достигается гармония

зация общественного развития. В то же время одной из функций сознательно организованных систем, которая обеспечивает сохранение системной структуры, поддерживает режим деятельности, является управление. Оно подразумевает целенаправленное воздействие на общественные процессы для их упорядочения, сохранения, совершенствования и развития. То есть, социально-политический конфликт является своеобразным средством управления общественными процессами и сам управляем [Коваленко, Пирогов, Рыжов 2005: 17]. Управляемость социально-политического конфликта – один из важнейших его признаков.

Рассматривая феномен социально-политических конфликтов в современной России, следует обратиться к понятиям социального конфликта и политического конфликта, рассмотреть эти феномены в их взаимосвязи.

Так, например, важно понимать, что социальный конфликт непосредственным образом связан с социальным протестом, поскольку именно социальный протест является наиболее частой формой выражения социального конфликта. Социальный протест можно определить как открытую реакцию участников социального взаимодействия (как отдельных граждан, так и социальных групп, общественных и профессиональных организаций), направленную на защиту социально значимых ценностей (законных прав, интересов и свобод, экологии, профессиональных или финансовых гарантий и т.п.). Социальный протест также можно характеризовать как способ общественного выражения социального конфликта, т.е. недовольства ситуацией, которая сложилась в конкретной сфере общественной жизни. Отметим сразу, что это существенное отличие конфликта социального от конфликта (и протеста) политического, когда стоит говорить о системном кризисе, охватывающем, пусть и в разной степени, все сферы общественной жизни.

Рассматривая социальные протесты с позиции причины их возникновения, можно выделить следующие их виды: социальный, социально-экономический, экологический, социокультурный, политический протест и т.п. По формам проявления протесты традиционно делят на ненасильственные (митинг, пикет, бойкотирование, забастовка, стачка) и насильственные (перекрытие транспортных коммуникаций, открытое неповиновение представителям власти, бунт, восстание).

Конкретные формы протеста, в которых выражается социальный конфликт, зависят от специфики актуальной ситуации в конкретном государстве, от особенностей функционирующего здесь политического режима, уровня развития коммуникационной культуры всех субъектов социального взаимодействия, наличия легитимных механизмов урегулирования имеющихся социальных противоречий, качества их развития, эффективности работы и прочих аналогичных факторов. При этом для стран с относительно высоким уровнем развития легитимных институтов управления социальными конфликтами переход социального конфликта в стадию конфликта социально-политического и политического в основном не характерен.

Наиболее иллюстративный пример этого – мировой экономический кризис 2008 г. Общеизвестно, что от него существенно пострадала экономика ведущих держав Европы, что он послужил поводом для существенного обострения социальных противоречий внутри этих стран, сгенерировал ряд новых социальных конфликтов. В связи с этим в период 2009–2011 гг. в Германии, Италии, Англии, Франции и ряде других стран Евросоюза, менее стабильных с точки зрения социально-экономической ситуации, проходили ширококомасштабные протестные акции. Однако в силу развитости и эффективности легальных институтов управления конфликтами, относительно высокого общего уровня социального взаимодействия эти протесты не привели к радикальным изменениям в политических системах.

С другой стороны, в этом же отношении не менее показательны примеры стран, в которых социальные конфликты и протестные движения того же периода вылились в полномасштабный политический кризис, вошедший в историю под общим названием Арабская весна. В первую очередь здесь стоит вспомнить события, начавшиеся в 2011 г. в странах Ближнего Востока и Северной Африке. Тогда, напомним, в результате социальных протестов, достаточно оперативно трансформировавшихся в политический конфликт и, в итоге, в народные восстания, были полностью демонтированы функционировавшие политические режимы, а, например, в Ливии и Сирии эта трансформация привела к затяжным гражданским войнам и фактическому национальному краху. Не отрицая внешних факторов (фактора открытого или латентного вмешательства третьих стран во внутренние политические процессы), послуживших существенным катализатором Арабской весны, все же отметим, что во всех этих государствах отсутствовали или были крайне неэффективными легитимные механизмы регулирования возникающих социальных противоречий. Именно это обстоятельство, с моей точки зрения, вкуче с относительно низким уровнем культуры социальной и политической коммуникации привело к тому, что социальные протесты в короткий срок трансформировались в полномасштабный политический кризис.

Подходя к предметному разговору о социальном, социально-политическом и политическом конфликтах, отметим следующее.

Под социальным конфликтом следует понимать противоборство нескольких социальных субъектов (сторон), причинами которого являются несовместимые социальные цели, ценности или интересы. В то же время на современном уровне развития государства и бюрократической системы управления говорить о социальных конфликтах в чистом виде можно лишь в некоторых случаях. Очевидно, что социальный конфликт так или иначе затрагивает существующие политические отношения хотя бы в той их части, которая подразумевает использование арсенала имеющихся в данной социально-политической реальности средств и методов разрешения социального конфликта. В связи с этим в рамках настоящей работы предлагается использовать термин «социально-политический конфликт», подразумевая под ним социальный конфликт, причинами которого являются цели, хотя бы опосредованно связанные с политической властью.

Например, одним из центральных положений функциональной теории конфликта является тезис о том, что конфликт создает и поддерживает равновесие сил. Действительно, относительно устойчивое соглашение между сторонами, имеющими противоположные интересы, возможно лишь при условии, если каждая из сторон осознает как свою собственную силу, так и силу соперника и принимает их как сопоставимо равные. Но в реальной жизни выяснить актуальное соотношение ресурсов сторон можно зачастую почти исключительно пробой, т.е. путем открытого конфликта. Такой конфликт, не угрожая социальной целостности как таковой, способствует устранению накопившихся несоответствий, восстанавливает равновесие. Разумеется, делает он это не в силу своей природы, а при условии грамотного им управления [Мусаева 2016: 25].

Классическим примером этого может служить следующая ситуация. Коллектив крупного предприятия устраивает забастовку за исключительно экономическими требованиями (увеличение заработной платы, улучшение условий труда, повышение уровня социальных гарантий и т.д.). В данном случае мы имеем чисто социальный конфликт, который выражается в форме социального протеста и в виде забастовки. При этом если руководство предприятия не удовлетворяет требования протестующих, не ведет с ними конструктивный диалог, не решает сформулированные стороной конфликта социальные (экономиче-

ские) проблемы, то забастовка на определенном этапе объективно трансформируется в политическую акцию. Протестующие начнут, помимо экономических требований, формулировать требования политические: об отставке мэра города, губернатора, проведении новых выборов и т.п. В то же время в политический конфликт эта акция трансформируется лишь при условии активного вовлечения в нее политических сил, субъектов публичной политики, органов государственной власти с их политическим функционалом решения конфликтов. Кроме того, вполне реальным представляется вариант, при котором сами социальные субъекты инициируют политический конфликт. Например, в январе 2005 г. пенсионеры и другие социально незащищенные слои населения, недовольные введением в силу закона о монетизации льгот, своими выступлениями заставили правительство пересмотреть спорные правовые нормы. Или другой пример: в июне 2009 г. жители поселка Пикалево (Ленинградская обл.), активно протестующие против закрытия градообразующих предприятий, добились привлечения внимания к своей проблеме и вынудили федеральное правительство решить ее политическими методами.

Политический конфликт можно определить как столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные с достижением власти или ее перераспределением, с изменением политического статуса в обществе.

Формулируя отличия конфликта социального-политического от конфликта политического, следует выделить два основных: это отличие по субъектному и объектному критериям.

Так, участниками социально-политического конфликта являются социальные субъекты (как индивидуальные, так и коллективные), которые изначально не преследуют политические цели (то есть, не стремятся к доступу к политическим ресурсам). Участниками конфликта политического являются субъекты публичной политики, которые используют конфликт преимущественно как один из методов достижения собственных политических целей. При этом в ходе эволюционирования социально-политического конфликта, как показывает практика, не исключается трансформация его субъектов в субъектов политического конфликта, в то время как обратный процесс практически не наблюдается.

Объектом социально-политического конфликта являются социальные интересы, ценности, статусы и т.п., в то время как объектом политического конфликта являются политическая власть, доступ к политическим ресурсам и властным отношениям.

Политический конфликт традиционно возникает и развивается в пределах функционирующей политической системы. При этом он вполне может как сужаться до минимальных, почти латентных пределов (особенно в ситуации, когда большая часть населения страны индифферентно воспринимает происходящие политические процессы или же в силу особенностей функционирующего политического режима де-факто отстранена от механизмов принятия решений и не стремится к контролю над такими механизмами), так и быть достаточно широко представленным в общественном сознании (в таком формате он традиционно существует в странах с так называемыми развитыми демократическими институтами). Очевидно, что в условиях существования реальной политической оппозиции и постоянной смены правящих политических сил оппозиция стремится любым объективно существующим общественным противоречиям, даже и не являющимися конфликтными, придать политический характер и использовать их для достижения политических целей.

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что политический конфликт является как одним из возможных сценариев развития социального

(социально-политического) конфликта, так и одной из возможных стадий (одним из возможных этапов) его развития.

Социально-политические конфликты в обществах переходного типа. Российская специфика

Интересной представляется точка зрения, согласно которой социально-политические конфликты в обществах переходного типа могут разворачиваться в трех взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, как конфликт, который возникает в социуме и влияет на появление конфликтов в политической сфере. Во-вторых, как конфликт в сфере политики, который имеет исключительно политическую природу, но, очевидно, в известной степени влияет на общественные отношения и тем самым повышает уровень актуальной общественной конфликтности. В-третьих, как конфликт между социумом и политикой, т.е. между населением, которое делегировало государственному аппарату часть своего суверенитета и право принимать определенные общественно значимые решения, и тем, как именно государственный аппарат реализует эти делегированные ему права [Мазур 2013: 4].

Обращаясь к социально-психологическим механизмам причин социально-политических конфликтов, следует упомянуть теорию относительной депривации (П. Сорокин, Р. Гарт и др.), суть которой состоит в следующем. Большинство субъектов, согласно этой теории, участвуют в социально-политической борьбе и социально-политических конфликтах потому, что находятся в неудовлетворенном (фрустрированном) состоянии. Именно их неудовлетворенность выступает основным условием, побуждающим к активному участию в конфликте. При этом такая неудовлетворенность формируется в ходе субъективного сопоставления активными представителями фрустрированных групп положения представляемых ими групп с положением «более благополучных» групп [Гарт 2005: 51].

Современная социально-экономическая ситуация в России такова, что относительная депривация объективно выступает в качестве одной из основных причин возникновения социально-политических конфликтов.

Отметим, что в последние годы в России наблюдается хоть и медленный, но неуклонный рост протестных акций, структурируется и институционализируется (хоть пока только в границах относительно крупных городов) протестное движение¹. Причины этого лежат более или менее на поверхности: это и существенное ухудшение социально-экономического положения населения, и отсутствие эффективно работающих социальных лифтов, и обострение национальных отношений, и все большее реальное отчуждение населения от принятия властью основных решений и т.п. При этом наблюдается и тенденция увеличения политической составляющей в социально-политических конфликтах. Иными словами, российское общество и государство все ближе подходят к опасной черте, за которой любой социальный конфликт будет неизбежно вести к серьезным общественно-политическим потрясениям и значительной дестабилизации всей системы управления.

Рассматривая эту тенденцию, следует исходить из специфики социально-политических конфликтов и протестных движений в России. Так, например, по мнению Д. Верховурова, эта специфика выражается, прежде всего, в следующем:

– большая часть протестных акций и кампаний являются неполитизирован-

¹ Вершинина Н. Протестные настроения будут расти вместе с кризисом. – *Российское информационное агентство URA.RU. Официальный сайт*. Доступ: <https://ura.news/news/1052199666> (проверено 16.06.2017).

ными в том смысле, что они не контролируются существующими политическими партиями или другими институциональными акторами, не ориентируются на избирательные кампании;

– участники социальных конфликтов, как правило, не ставят глобальные цели, а выражают свою позицию по конкретным вопросам, которые затрагивают их личные или групповые интересы;

– лица, руководящие конкретными протестными действиями, как правило, выдвигаются непосредственно из числа протестующих;

– протестное движение склонно почти полностью затихать после решения конфликтного вопроса, который привел к его появлению¹.

Актуальным для современной России представляется и вопрос о том, какие именно социальные акторы и при каких условиях могут трансформироваться в политические субъекты, могут формировать конфликтующую сторону и вступать в политическое противоборство.

Современная политическая наука различает такие понятия, как «политический субъект» и «субъект политики». Так, принято считать, что для субъекта политики сама политическая деятельность (в т.ч. и участие в той или иной форме в социально-политических конфликтах) является приоритетной, основной. По этому критерию к субъектам политики следует относить политические партии, политических лидеров, политические институты и, разумеется, само государство. Что же касается политических субъектов, то под ними традиционно понимаются те, кто занимается политикой не в силу того, что это их непосредственная социальная функция, а помимо своей основной деятельности. Это граждане, общественные организации, субъекты «третьего сектора», профессиональные сообщества и т.п.

В соответствии со ст. 3 Конституции России носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Однако субъект права и политический субъект не являются и не могут являться равнозначными понятиями. Иными словами, из того факта, что Конституция России зафиксировала право народа осуществлять свою власть, не следует, что население (представители которого в существенной части являются носителями подданнической политической культуры) автоматически наделяется необходимыми качествами политического субъекта. Здесь важно понимать, что политическая субъектность сама по себе напрямую связана с активным участием актора в политической борьбе, в социально-политических конфликтах. В связи с этим логично утверждать, что акторы, избегающие такой политической борьбы или же участвующие в ней чисто формально, для исполнения определенных ритуалов, не могут быть политическими субъектами и субъектами социально-политического конфликта.

В этой связи специфика современного российского общества состоит еще и в том, что существенная его часть, как уже указывалось выше, в силу комплекса объективных и субъективных причин, исследование которых не является предметом настоящей работы, не имеет стремления к активному участию в политической жизни страны. Здесь весьма иллюстративными представляются результаты социологических опросов последних лет. Например, в 2010 г., отвечая на вопрос Левада-Центра: «Готовы ли Вы лично более активно участвовать в политике?» – только 19% респондентов ответили «определенно да» и «в какой-то мере да»,

¹ Верховуров Д. Социальный протест в современной России. – *Агентство политических новостей. Официальный сайт*. Доступ: <http://www.apn.ru/publications/article18296.htm> (проверено 15.06.2017).

а 77% — «скорее нет» и «определенно нет»¹. А в апреле 2017 г. ответы на этот же вопрос выглядят так: «определенно да» и «в какой-то мере да» — 16%, «скорее нет» и «определенно нет» — 80%². Причем даже эти цифры следует воспринимать отчасти критически хотя бы в связи с тем, что далеко не все респонденты, которые подтверждают свое стремление участвовать в политических акциях, впоследствии подтверждают это своими реальными действиями. Трудно не согласиться с мнением некоторых политологов, утверждающих, что в современной России «граждане ориентированы на патернализм со стороны государства, но при этом предпочитают минимизировать свои контакты с представителями власти», а также что «люди не видят прямой связи между результатами выборов и переменами, которые касаются их лично»³.

Очевидно, что социальные акторы, претендующие на то, чтобы стать политическими субъектами и иметь возможность инициировать социально-политические конфликты, должны обладать определенными объективными характеристиками. К таким характеристикам стоит отнести в первую очередь организованность, решительность, целеустремленность и массовость. Также представляется очевидным, что «коллективный субъект» социально-политического конфликта не является однородной группой. Практически с самого начала своего формирования он начинает внутренне структурироваться на различные по степени активности и вовлеченности в процесс подгруппы, как, например, «активисты», «рядовые участники», «сторонники», «наблюдатели», «советчики» и т.п. Этот процесс усложняется параллельно с развитием самого конфликта. Одновременно с этим из среды «коллективного субъекта» появляются лидеры, которые возглавляют его движение и развитие, являясь легитимными (с точки зрения рядовых участников) представителями его интересов. На этом этапе уже можно говорить о субъективации социально-политического конфликта, и здесь же следует обозначить еще одну специфику современной российской действительности.

Она состоит в отсутствии в обществе легитимных политических лидеров, которые бы представляли оппозиционные силы и которые пользовались бы поддержкой существенного общественного спектра. На роль таких лидеров из года в год (и без особых успехов) претендуют, с одной стороны, так называемые системные оппозиционеры (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия», часть более мелких и почти не влияющих на политические процессы партий и сил), а с другой — несистемная оппозиция (Г. Каспаров, М. Касьянов, отчасти — М. Ходорковский, в последнее время все активнее — А. Навальный). Очевидно, что ни первые, ни вторые не обладают с точки зрения общества приемлемым уровнем легитимности и в связи с этим не могут рассчитывать на поддержку широких слоев населения. Хотя тот же А. Навальный своей активностью и нестандартными решениями пытается расширить в преддверии выборов президента РФ 2018 г. имеющуюся социальную поддержку⁴.

Очевидно, то обстоятельство, что в политическом поле современной России отсутствуют влиятельные оппозиционные лидеры, обусловлено во многом действиями правящего режима, который объективно не заинтересован в их усилении, а потому ведет активную работу с тем, чтобы этого не допустить. Однако,

¹ Козырев Г.И. От социального протеста к социально-политическому конфликту. — *Персональный сайт Геннадия Козырева*. Доступ: <http://kozyrev-gi.ru/pages/ot-sotsialnogo-protesta/> (проверено 15.06.2017).

² Политическое участие (пресс-выпуск от 12.04.2017 года). — *Левада-Центр. Официальный сайт*. Доступ: <http://www.levada.ru/2017/04/12/politicheskoe-uchastie/> (проверено 16.06.2017).

³ Россияне не интересуются политикой и избегают вступать в контакт с властью, выяснил «Левада-Центр». — *Информационное агентство «Newsru.com». Официальный сайт*. Доступ: <http://www.newsru.com/russia/12apr2017/apolit.html> (проверено 16.06.2017).

⁴ Политологи назвали причину роста протестных настроений в России. — *РИА «Новости». Официальный сайт*. Доступ: <https://ria.ru/politics/20160615/1448045778.html> (проверено 16.06.2017).

как представляется, это все-таки вторичная причина, в то время как основной причиной этой особенности является недостаточная зрелость самого российского гражданского общества.

Считается общеизвестным, что базой для существования эффективного гражданского общества в современных развитых странах является средний класс, составляющий большинство населения. О месте и роли российского среднего класса, а также о его влиянии на развитие страны написано немало, но все исследователи в той или иной степени сходятся в одном: за последние десятилетия правящий режим так и не смог создать в стране благоприятные для развития среднего класса условия. В современной России средний класс объективно не является той силой, которая способна заставить эффективно функционировать институты гражданского общества и государственного управления, а также решать вопросы эффективной политической социализации населения.

Между тем усложнение процессов взаимодействия государства и общества несет в себе опасность актуализации потенциальных конфликтов, опасность необратимой дезорганизации и даже распада государства. Именно государство является основным механизмом, который должен быть нацелен на интеграцию общества. Примечательно, что в этом плане государство выступает в роли своеобразного медиатора — как организационное воплощение интеграции общества, как объединяющий его костяк [Цой, Иванов 2016: 71].

В связи с этим вопросами политической социализации граждан в современной России занимаются преимущественно государственные структуры. Так, например, российское государство в той или иной степени инициирует создание неправительственных организаций как основ гражданского общества. В то же время такие неправительственные организации не добровольны и, не обладая реальными механизмами воздействия на государство, не способны влиять на проводимую им политику и, следовательно, не способны выполнять основную функцию институтов гражданского общества [Абгаджавва 2008: 66]. Мы наблюдаем парадокс (характерный, к слову, не только для России, но и для многих стран Восточной Европы), который состоит в следующем. Суть политической социализации состоит, прежде всего, в формировании у населения определенной уровня и качества политической культуры, причем такой политической культуры, которая предполагает, с одной стороны, активную позицию граждан по отношению к происходящим политическим процессам, а с другой — соблюдение гражданами существующих этических и правовых норм в этой сфере. Но любому существующему политическому режиму, не имеющему существенной и качественно институционализированной оппозиции, носители такой политической культуры объективно невыгодны. Таким образом, политический режим современной России, пытаясь, с одной стороны, заниматься в известной степени политической социализацией общества в целом, с другой — относительно жестко пресекает любые неконтролируемые режимом попытки реализации гражданских инициатив. Примеров тому множество, отыскать их не составит труда как в законодательной сфере (усложнение избирательных механизмов и механизмов проведения референдумов, снижение значимости институтов местного самоуправления), так и в сфере коммуникации власти с населением по широкому спектру и чисто социальных, и социально-политических проблем, причем власти как федеральной, так и региональной¹.

В то же время, как уже указывалось выше, в российском обществе объективно наблюдается рост протестных настроений. Еще в далеком 2010 г. Общественная

¹ О.Б. Иванов. Власти Москвы должны научиться разговаривать с людьми. — *Общественно-политическое движение «Новая Россия». Официальный сайт*. Доступ: <http://novaya-rossia.ru/experts/ivanov/vlasti-moskvy-dolzhen-nauchitsya-razgovarivat-s-lyudmi/> (проверено 16.06.2017).

палата России в своем ежегодном докладе о состоянии гражданского общества заявляла, что в российском обществе «сформировался большой слой социально активных граждан, которые объединяются в разнообразные сообщества и социальные сети, чтобы отстаивать свои интересы и ценности». При этом в качестве одной из основных причин, ведущих к появлению очагов социальной напряженности, была названа «слабость реакции властей на основные запросы общества». В докладе также отмечается, что политические партии практически не реагируют на инициативы гражданского общества¹. За прошедшие годы ситуация в обозначенном ракурсе ничуть не улучшилась, что демонстрируют, в частности, и последние события².

Вместе с тем не стоит излишне демонизировать современную российскую ситуацию в рассматриваемом аспекте. Напомню предупреждение одного из самых известных исследователей проблем демократии Р. Даля, который писал: «Предъявлять завышенные требования к любому строю, включая демократический, не следует. Демократия не может гарантировать, что все граждане будут счастливы, обеспечены, здоровы, умны, миролюбивы и законопослушны. Достижение этих целей находится за пределами возможностей любого правительства, в том числе демократического» [Даль 2000: 93].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод: не стоит ожидать, что в ближайшее время в России появятся политическая партия или иной политический институт, способные инициировать и возглавить широкомасштабный социально-политический конфликт.

Управлять, но не подавлять

В России сейчас сложилась непростая ситуация, которая характеризуется следующим. С одной стороны, наблюдается явный рост протестных настроений, а с другой — отсутствуют легитимные оппозиционные институты и лидеры. В совокупности эти два обстоятельства могут привести к тому, что в случае возникновения спонтанных (или тщательно организованных внешними акторами) массовых протестных акций общество не сможет договориться о легитимности конкретных лидеров протеста. В этой ситуации сам протест, развиваясь по мере растущей социальной напряженности, вполне вероятно, может перейти в неуправляемый и никем из сторон не контролируемый «бессмысленный и беспощадный» бунт. То есть, у нашей страны есть все шансы столкнуться не с институционализированным, а с абсолютным (в терминологии Льюиса Козера) конфликтом, для которого наиболее характерна борьба без правил, вплоть до полного уничтожения одной из сторон или обеих сторон конфликта. Очевидно, что если растущий уровень социальной напряженности в российском обществе достигнет известного предела, то поводом для описанного сценария может стать практически любое необдуманное действие власти, провокация внешних сил или, например, выходка экстремистов, террористический акт. Все это представляется тем более актуальным, если учесть, что методы, которые применяют властные институты для управления общественным сознанием и манипулирования им и которые были достаточно эффективными еще несколько лет назад, сегодня уже повсеместно дают все менее ощутимый эффект³.

¹ Городецкая Н. Общественная палата ждет наступления реакции на запросы гражданского общества. — *Коммерсантъ*. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/1561274> (проверено 15.06.2017).

² Иванова М., Белый М. Как, проиграв Усманову, не сняв ролики, Навальный собрал митинги? — *Российское информационное агентство URA.RU. Официальный сайт*. Доступ: <https://ura.news/articles/1036271233> (проверено 16.06.2017).

³ О.Б. Иванов. Митинги показали, что телевидение как основной вид манипуляции общественным сознанием уходит в прошлое. — *ФедералПресс*. Доступ: <http://fedpress.ru/expert-opinion/1762959> (проверено 16.06.2017).

Не лишним будет напомнить и еще одно обстоятельство, наиболее ярко проявившееся в массовых протестах 2017 г. Среди их участников доминирует молодежь, студенчество. Можно утверждать, конечно, что в силу современного клипового сознания та же молодежь воспринимает эти протестные акции преимущественно как своего рода флэш-моб с социально-политическим уклоном, без каких-то далеко идущих целей. Но даже если согласиться этим тезисом, нельзя не сознавать, что политические активисты типа того же А. Навального, искусно используя названную разницу в понимании современной молодежью происходящего, добиваются лишь повышения эффективности управления ею и формирования позиции этой же молодежи по актуальным вопросам повестки дня в нужном этим активистам формате.

Особое опасение сложившаяся ситуация вызывает в связи с тем, что при схожих факторах успешно запускались во многом катастрофические для национальных государств политические процессы упомянутой Арабской весны. По схожим сценариям развивалась ситуация на Украине в 2014 г., где социальный протест части населения против приостановки процесса евроинтеграции привел в итоге к крупномасштабному политическому кризису, низвержению законного правительства, хаосу и гражданской войне. Разумеется, проводить здесь прямые параллели будет как минимум некорректно, однако и отрицать очевидные аналогии — неправильно. Тем более, что принципы возникновения и развития социальных конфликтов, их последующего перехода в фазу конфликтов социально-политических, в фазу активных протестов и далее — к гражданской войне и социальной революции носят абсолютный характер и в основе своей не зависят от национальных и географических особенностей.

Чтобы не допустить подобного сценария развития событий, правящему режиму современной России необходимо способствовать развитию институтов гражданского общества (в т.ч. и оппозиционных), активнее и эффективнее реагировать на основные запросы общества. Не следует забывать и то, что любой конфликт управляется. Это утверждение, разумеется, вполне касается и конфликтов, рассматриваемых в настоящей работе. В связи с этим вопрос выбора верной стратегии управления конфликтами вообще и конкретным конфликтом в частности представляется крайне существенным. Действительно, эффективное разрешение указанного вопроса может помочь, как максимум, усилить позитивные функции конфликта или, как минимум, существенно заблокировать его негативные последствия. Таким образом, для современной России поиск путей совершенствования методов и форм управления социально-политическими конфликтами приобретает особую актуальность.

Как утверждал классик конфликтологии Р. Дарендорф, «тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники» [Darendorf 1969: 140]. Пытаться подавить социально-политические конфликты волевым способом, как это неоднократно случилось уже и в российской, и в мировой истории, — занятие контрпродуктивное. Действия по подавлению конфликтов всегда направлены не на поиск источников, инициировавших конфликт, а исключительно на то, чтобы устранить лишь внешние проявления конфликтного противостояния. В такой ситуации конфликт становится латентным (от латинского *lateens* — скрытый, невидимый) и, следовательно, принципиально неуправляемым. В такой ситуации уже ничто не может помешать накоплению конфликтного потенциала, который, с большой долей вероятности, может «взорвать» социально-политическую ситуацию в самый неподходящий момент [Суслов 2013: 155].

В условиях идущей трансформации российского общества попытки избежать

социально-политических конфликтов выглядят, как минимум, утопичными. Конфликтный процесс в социально-политической сфере следует воспринимать как объективный и органичный элемент идущих преобразований и общественного развития в принципе. Представляется, что такой подход будет не только способствовать наиболее адекватному, полному и эффективному выяснению позиций противоборствующих сторон, но и выработке приемлемых, а главное, легитимных с точки зрения общества решений в экономической, социальной и политической сферах российской действительности.

В свете сказанного выше по-прежнему актуально звучит мысль президента России, сформулированная им в послании Федеральному собранию 11 лет назад: «Мы исходим из того, что иметь в стране развитые демократические процедуры не просто необходимо, но и экономически выгодно. Быть с обществом в ответственном диалоге – политически целесообразно. И поэтому современный российский чиновник обязан учиться разговаривать с обществом не на командном жаргоне, а на современном языке сотрудничества. Языке общественной заинтересованности, диалога и реальной демократии»¹.

Список литературы

Абгаджав Д.А. 2008. Проблемы легитимизации и институционализации конфликтов в современной России. – *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения.* № 4. С. 64-70.

Брега А.В. 2014. Управление политическим конфликтом. – *Вестник Финансового университета.* Сер. Гуманитарные науки. № 1(13). С. 33-37.

Гарр Т.Р. 2005. *Почему люди бунтуют.* СПб.: Питер. 461 с.

Даль Р. 2000. *О демократии* (пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского). М.: Аспект Пресс. 208 с.

Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А. 2005. *Политическая конфликтология: учебное пособие для вузов.* М.: Ижица. 400 с.

Мазур О.Г. 2013. Критериальные качества политического конфликта в условиях трансформации. – *Universum: общественные науки.* № 1(1).

Мещерякова Л.Я. 2009. Управление социально-политическими конфликтами в России. – *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации.* № 142. С. 183-185.

Мусаева Э.Ш. 2016. Теоретико-философские аспекты политических конфликтов. – *Общество: философия, история, культура.* № 2. С. 24-26.

Суслов Е.В. 2013. Роль и место конфликтов в демократических политических процессах. – *Вестник экономики, права и социологии.* № 4. С. 153-157.

Цой Л.Н., Иванов О.Б. 2016. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия. – *Власть.* № 10. С. 69-75.

Darendorf R. 1969. *Society and Democracy in Germany.* Garden City, N.Y.: Doubleday. 276 p.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 25.04.2005 года. – *Российская газета.* 2005. 26 апреля.

IVANOV Oleg Borisovich, Head of the Center for the Settlement of Social Conflicts (of. 1208, 72 Mira Ave, Moscow, 129063, Russia; collegiamo@gmail.com), Chairman of the Board of Mediators at the Chamber of Commerce and Industry of the Moscow Region, Honored Lawyer of the Moscow Region

POLITICAL INTERESTS IN SOCIO-POLITICAL CONFLICTS IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article considers a conflict, which is the most important aspect of human interaction in the society, in this case – a social and political one. As a social and political process, political conflict is characterized by manageability, i.e. sensitivity to external organizing influence. This article is an attempt to analyze the current state, the main trends and the most probable prospects for the development of existing socio-political contradictions. The paper analyzes the fundamental possibility of transforming these contradictions from social conflicts into a large-scale political confrontation with reference to modern Russia. The author examines the specifics of the socio-political conflicts of modern Russia and points, on the one hand, to the growth of protest moods, and on the other hand, to the objective absence of legitimate leaders of the protest movement. In this situation, the protest can go into an uncontrolled riot. Particularly apprehensive about this situation is the fact that, under similar factors, the political processes of recent years that were catastrophic for the national states of the North Africa and Eastern Europe were successfully launched.

Keywords: social conflict, political conflict, subject of conflict, political culture, political regime, civil society, conflict management

ГОЛОВЧЕНКО Антон Владимирович – кандидат политических наук, ассистент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; Golovchenkoav@mail.ru)

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА И ОЖИДАНИЯ ГРАЖДАН В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье речь идет о позиционировании модернизационного потенциала либерального проекта в постсоветской России и его несоответствии ожиданиям большинства российских граждан. Рассматриваются противоречия по таким позициям, как гражданское общество, правовое и социальное государство. Автор приходит к выводу, что консенсус социальных и элитарных ожиданий возник не на основе либеральной модели, а на почве общей для элиты и граждан надежды, что гарантом безопасного настоящего и устойчивого позитивного будущего в нашей стране является сильное, политически централизованное государство.

Ключевые слова: либеральный проект, модернизационный потенциал либерализма, гражданское общество, правовое государство, социальное государство

Несоответствие между содержанием либерального проекта 1990-х гг. и тем, чего хотела от политики и как видела условия своего активного участия в ней масса российских граждан, можно проследить по ряду позиций. Важнейшее место среди них занимает несоответствие либерального проекта в отношении модернизации политической субъектности российского социума в рамках развития гражданского общества тем ожиданиям, которыми этот социум жил в постсоветский период.

Идею превратить советское общество в «гражданское общество» можно счи-